

ГИТЛЕРЛЕНД

ТРЕТИЙ РЕЙХ ГЛАЗАМИ
ОБЫЧНЫХ ТУРИСТОВ

Эндрю Нагорски



Гитлерленд. Трагедия нацистской Германии

Эндрю Нагорски

**Гитлерленд. Третий Рейх
глазами обычных туристов**

«ЭКСМО»

2012

УДК 94(430)"1933/45"
ББК 63.3(4Гем)6

Нагорски Э.

Гитлерленд. Третий Рейх глазами обычных туристов /
Э. Нагорски — «Эксмо», 2012 — (Гитлерленд. Трагедия
нацистской Германии)

ISBN 978-5-04-191250-5

Можно ли заранее понять, какой кровью и жертвами закончится политика очередного государственного деятеля? Пример Гитлера показывает: мало кто владеет даром предвидения, но цена ошибки может быть чрезмерно высока. Автор изучил десятки мемуаров людей, живших в Германии или посещавших страну в тридцатые годы прошлого века: дипломатов, военных, журналистов, писателей, артистов, спортсменов, бизнесменов, туристов. Они видели насилие «партии власти» над политическими противниками; репрессии в отношении нацменьшинств, гомосексуалистов, социал-демократов и всех, кто не шел в ногу с наливающимся соком ненависти тоталитарным государством. Некоторые из этих сторонних наблюдателей не задумывались, какими ужасами войны и Холокоста может кончиться популизм нацистов. Другие сознательно закрывали глаза на «перегибы», потому что им нравилась новая энергичная и воодушевленная Германия. Но даже те, кто критически относился к Гитлеру, смогли осознать истинные масштабы катастрофы, когда было уже поздно что-то изменить. Однако они пытались... Благодаря Нагорски живые голоса свидетелей расцвета нацистского режима звучат в книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)"1933/45"

ББК 63.3(4Гем)6

ISBN 978-5-04-191250-5

© Нагорски Э., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Введение	7
Глава 1. «Нервный срыв»	12
Глава 2. Тучи сгущаются	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эндрю Нагорски Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов

*Посвящаю младшему поколению: Кристине, Кэйе, Майе, Сидни, Кэй
и Стелле.
И, как всегда, Криши*

Andrew Nagorski

Hitlerland: American Eyewitnesses to the Nazi Rise to Power

Copyright © 2012 by Andrew Nagorski

All rights reserved, including the right to reproduce this book or portions thereof in any form whatsoever. For information address Simon & Schuster Subsidiary Rights Department, 1230 Avenue of the Americas, New York, NY 10020

First Simon & Schuster hardcover edition March 2012

SIMON & SCHUSTER and colophon are registered trademarks of Simon & Schuster, Inc

© Смолина М.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

Из всех американских репортеров, писавших о Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами, именно Сигрид Шульц больше остальных оказалась готова к такой работе. Она родилась в Чикаго в 1893 г. Родители её были норвежцами, и после восьми лет она прожила немало времени в Европе. Отец её, успешный художник-портретист, перебрался в Париж, так что Сигрид училась во французской школе. Когда её отец получил заказ на написание портретов вюртембергской королевской четы, Сигрид провела несколько месяцев в школе в Германии, где не только освоила язык, но и получила представление о местном отношении к жизни.

«В те времена иностранных художников к германским дворам приглашали редко, так что другие девочки старались быть очень милыми со мной, – вспоминала Сигрид. – Но было понятно, что если ты не немец, то ты дефектный. И если иностранец не восторгался и не преклонялся перед немецкой Культурой, то к нему в лучшем случае относились со снисхождением».

Шульц изучала в Сорбонне международное право, а потом отправилась с родителями в Берлин. Оттуда она следила за событиями Первой мировой войны, глядя со стороны проигрывающих. Когда в 1917 г. США также вступили в войну, ей и её родителям, ставшим «враждебными чужаками», пришлось каждый день отчитываться перед полицией, но она смогла продолжить учебу в Берлинском университете. После войны она стала работать на *Chicago Tribune*, сотрудничая с берлинским корреспондентом этой газеты Ричардом Генри Литтлом, на которого произвело большое впечатление её знание языков. Еще только поступив на свою новую работу, в 1919 г., она продемонстрировала и талант репортера, сотрудничая с Литтлом. Шульц и Литтл вместе взяли интервью у десятков немецких офицеров, чтобы получить представление об их настроениях в связи с поражением Германии. Большинство из них были сильно недовольны, но особенно это касалось «Редера, желчного спорщика в темно-синей флотской форме», как писала о нем Шульц. Этот немецкий офицер так сказал репортерам: «Не спешите гордиться, американцы. Самое позднее через 25 лет наши страны снова будут воевать. И в следующий раз мы победим, потому что подготовимся лучше, чем вы».

Американцы не рассердились тогда. Наоборот, Шульц писала: «Я прекрасно помню, что в тот день, в 1919 г., нам было очень жалко маленького мстительного Редера. Он так серьезно относился к поражению. Он просто сжигал себя ненавистью».

В 1926 г. Шульц стала главным корреспондентом *Chicago Tribune* в Центральной Европе и до 1941 г. продолжала жить в Берлине, поражая всех прибывающих в Германию американских корреспондентов (в основном мужчин) своим знанием страны и настойчивостью в поисках интересных историй. Позже, во время Второй мировой войны, она писала об этом в книге *Germany Will Try It Again* («Германия попробует это еще раз»). По её оценкам, с мнением Редера были согласны очень многие его соотечественники, они стремились отомстить за свое поражение в прошлом глобальном конфликте. К тому моменту она уже прекрасно знала, к чему привела эта жажда мести, так что можно задаться вопросом, не повлияло ли её знание на описание прошлых событий. Но что касается воспоминаний об интервью с Редером, то там она явно лишь добавила одну деталь, подчеркнув точность её предсказания: «Когда почти двадцать два года спустя Адольф Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, немецким флотом командовал гросс-адмирал Эрих Редер».

Есть много историй о жизни американцев во Франции и Великобритании в межвоенный период, есть даже истории о живших в Советском Союзе. Но по множеству причин американцы, жившие, работавшие или путешествовавшие по Германии во времена прихода к власти Гитлера и формирования Третьего рейха – включая Шульц и многих её коллег, – подобного

внимания не привлекали. О них очень часто забывают или же, как в случае дипломата Джорджа Кеннана, помнят, но не за немецкий период их биографии: это лишь глава их жизни, меркнущая на фоне иных событий, сделавших их знаменитыми. Так, Кеннан прославился созданием политики сдерживания Советского Союза, которой следовали президенты страны после войны.

В результате у американцев порой возникает впечатление, что крах Веймарской республики и дальнейший переход к террору и войне происходил в какой-то странной, изолированной от мира стране. Мало кто задумывается, не мог ли кто-то из их соотечественников видеть все это происходящим вживую и рассказывать об увиденном, в рамках своей работы или просто как любопытный наблюдатель, а также как эти рассказы могли влиять на мнение о Германии среди их соотечественников.

Сегодня принято считать, что намерения Гитлера были абсолютно очевидны с самого начала и что единственным результатом его политики могли быть только Вторая мировая война и Холокост. Многие и не представляют, что в 1920-е и даже 1930-е американские репортеры, дипломаты, артисты, социологи, студенты и просто проживающие в Германии совершенно не видели и не понимали того, что происходило у них перед глазами. А ведь у них были места в первом ряду, они видели развитие самой большой драмы XX в. Некоторые из них не просто видели Гитлера вживую, они с ним встречались и разговаривали: и когда он был еще местным агитатором в Мюнхене, и когда он стал всемогущим берлинским диктатором. Для них он был не абстрактным воплощением зла, а вполне живым политиком. Часть американцев начала к нему присматриваться очень рано, остальные заинтересовались, лишь когда он уже пришел к власти. Но даже те, кто не имел возможности столкнуться с ним лично, видели последствия его политики.

Однако они очень по-разному видели и оценивали происходившее в Германии, равно как и то, что представлял собой Гитлер. Некоторые признавали его природную, стихийную силу и талант обращаться к эмоциям и гневу немецкого народа, другие же видели в нем лишь клоуна, который исчезнет с политической сцены так же быстро, как и появился. Поначалу были и те, кто с симпатией относился к его движению и даже вступал в него, но также и те, кто очень быстро инстинктивно почувствовал тревогу, увидев в Гитлере угрозу не только для Германии, но и для мира.

Не одним американцам было неясно, что собой представляет Гитлер, не одни они оставляли его воззрения без пристального внимания. Отто Штрассер поначалу был сторонником Гитлера, а впоследствии сменил позицию и уехал из Германии. Есть его воспоминания об ужине с несколькими высокопоставленными нацистскими партийными функционерами в 1927 г., на конгрессе партии в Нюрнберге. Когда стало ясно, что никто из них не прочел полностью автобиографический труд Гитлера *Mein Kampf* («Моя борьба»), они договорились, что будут спрашивать каждого проходящего, прочитал ли тот. Кто прочел – тот платит за всех. Как рассказывал Штрассер, прочитавших так и не нашлось, так что в результате каждый платил за себя.

Неостановимое развитие истории становится видно только тогда, когда смотришь уже назад в прошлое. На мнения американцев, наблюдавших за событиями прямо в процессе, влияло многое: их собственные предпочтения, различия кусочков реальности, которые наблюдали разные люди, а также человеческая способность видеть лишь то, что сам человек хочет, игнорируя все, что свидетельствует об ином положении дел. Шульц использовала интервью с Редером в 1919 г., чтобы проиллюстрировать свое мнение гораздо позже, когда США и Германия вновь вступили в войну: мнение, что гитлеровское движение было логичным следствием ненависти, накопившейся в стране после поражения в предыдущей войне. Но другие американцы после Первой мировой войны чувствовали себя в безопасности и хотели верить, что цена конфликта для Германии оказалась слишком высока и что случившееся оказалось достаточным практи-

ческим уроком. Эдгар Ансель Моурер, берлинский корреспондент другой чикагской газеты, *Daily News*, вспоминал, что в 1920-х гг. «большая часть американцев в Германии вполне справедливо надеялась, что поражение, унижение, инфляция и беспорядки внутри страны убедят немцев больше не пытаться становиться гегемонами в Европе».

Корреспонденты вроде Шульц и Моурера, равно как и дипломаты вроде Кеннана и его коллег, не были людьми неискушенными в жизни за границей, они уже учились и работали в разных местах Европы. Однако многие другие американцы, жившие в Германии в ту пору, были очень молоды и неопытны. Это, разумеется, влияло на их восприятие и реакции. Немецкое сочетание консервативной жесткости и нового послевоенного экстремизма, что в политике, что в сексуальных нравах, то очаровывало их, то шокировало, то завораживало.

Из-за необычной роли своей страны американцы в Германии также оказывались на особом положении. Хотя США и участвовали в Первой мировой войне, они вступили в нее на очень позднем этапе. Большая часть американцев совершенно не стремилась участвовать в новом европейском конфликте, и это влияло на изоляционистские настроения в стране. В результате американцы в Германии после войны оказались совсем в другой категории, нежели граждане других государств-победителей: их считали почти нейтральной стороной, гораздо менее свирепой, чем те же французы, и уж точно более склонной к умеренности по отношению к побежденным немцам. Американские наблюдатели были как бы в стороне, подальше от континентальных распрей.

Как и везде, эти американцы пользовались привилегиями людей обеспеченных: они могли видеть материальные трудности и рост насилия вокруг, но сами были обычно защищены. Они активно общались друг с другом, праздновали День благодарения и другие праздники, наслаждались заграничной жизнью – и посматривали на ширящийся водоворот великих событий вокруг. Луи Лохнер, бывший в тот период корреспондентом *Associated Press*, мимоходом упоминал жизнь в «американской колонии» и «впечатляющее товарищество» среди американских корреспондентов, «даже тех, кто были друг другу яркими оппонентами». И действительно, возникали трения между теми, кто придерживался разных мнений о Гитлере и нацистах, а также о том, к чему ведет милитаризация страны. Играли свою роль личные претензии и предрассудки. В те времена американское посольство в Берлине общалось гораздо более плотно, чем обычно в посольствах современных, так что его небольшой штат с членами своих семей часто ссорился на почве политических взглядов и мелких обид.

Кроме того, бывали трения между послами, назначенными из политических соображений, и профессиональными сотрудниками дипломатических служб, а также военными атташе. Теперь представьте, что поведение дочери посла оказывается на грани скандала, – и у вас есть готовое начало настоящей драмы. Все это может случиться в любом посольстве, но в Берлине это усиливалась общим напряжением, характерным для гитлеровского времени.

Американских же корреспондентов там в те времена работало гораздо больше, чем в наше: на самом пике, в середине 1930-х, их там было около 50 человек. В ту эпоху телеграфные агентства, газеты и иные периодические издания со всей страны – не только из Нью-Йорка и Вашингтона – посылали своих корреспондентов за границу, давая им изрядную свободу в поисках материала. Позже к ним присоединились радиопередачи.

Я работал иностранным корреспондентом в *Newsweek* в 1980-х и 1990-х гг. – и это были, на мой взгляд, золотые времена журналистики, особенно если сравнивать с ограничениями современного медийного бизнеса. Но мои предшественники в Берлине жили несопоставимо более бурной общественной жизнью. Моурер, например, устроил для *Chicago Daily News* новый офис прямо над «кафе Кранцлера» – известным местечком в престижном районе, на перекрестке Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден. Там на втором этаже был приемный центр для американских гостей, приходивших пообщаться, почитать американские газеты и даже продиктовать что-нибудь секретарю в офисе. Это было не просто новостное бюро: это была

почти маленькая дипломатическая миссия. Множество американцев, включая весьма известных, заглядывало сюда, чтобы оценить, на что похожа новая Германия. Здесь бывали Томас Вулф и Синклер Льюис, архитектор Филип Джонсон, радиожурналист Эдвард Марроу, бывший президент Герберт Гувер, черный социолог и историк У. Э. Б. Дюбуа и, разумеется, летчик Чарльз Линдберг. Как ни странно, для американцев и других иностранцев было не так уж сложно заглянуть в этот интересный, темный мир. «Все забывают, насколько легко было тогда путешествовать по Германии», – вспоминает историк Роберт Конквест, путешествовавший по всей Европе в 1938 г. с другими студентами Оксфордского университета. «Это было гораздо проще, чем по послевоенным коммунистическим странам».

Меня всегда привлекал этот исторический период, мне хотелось понять, как Гитлер и его последователи так быстро добились полной власти в Германии, причем с такими катастрофическими последствиями. Эти события напрямую повлияли на жизнь моей семьи, как и на жизни миллионов других семей. Мои родители выросли в Польше, и мой отец сражался в польской армии, прежде чем сбежать на Запад, чтобы с другими поляками воевать уже под британским командованием. Я родился после войны в Эдинбурге. Впоследствии мои родители переехали в США, где начали новую жизнь как политические беженцы. Так я вырос американцем, а не поляком.

Как иностранный корреспондент, я приезжал работать в Германию два раза: в первый раз в последние годы холодной войны, в Бонн, во второй раз – в конце 1990-х, в Берлин. Я часто писал о том, как немцы справляются с наследием своего нацистского прошлого. Но я должен признать, что довольно мало знал об американцах, работавших в те сложные времена в Берлине. Были, конечно, исключения. Мы с коллегами прекрасно знали про Уильяма Ширера, автора «Взлета и падения Третьего рейха», а также про то, что отель «Адлон», перестроенный и вновь открытый после объединения Германии, был в те времена прибежищем для Ширера, Дороти Томпсон и других знаменитых журналистов. Но не могу сказать, что я сильно интересовался их биографиями. Начав изучать их во время работы над этой книгой, я обнаружил множество историй, не просто показывавших, на что были похожи жизнь и работа в Германии в ту великую эпоху, но и дававших совершенно неожиданный взгляд на эту жизнь. Читая их рассказы, я словно проживал те времена, непосредственно и сильно, что было невозможно при обращении к другим источникам. Я опирался на непосредственные свидетельства, когда это было вообще возможно: мемуары, заметки, письма и интервью с отдельными дожившими свидетелями – все, что может показать читателю, как это выглядело для участников. Часть этих историй были когда-то опубликованы, но забыты, часть я нашел в неопубликованных рукописях и письмах, хранившихся в библиотечных архивах, часть мне передали дети авторов. Например, историю молодого дипломата Джейкоба Бима, работавшего в берлинском посольстве США во второй половине 1930-х гг., я узнал из неопубликованной рукописи, которую мне передал его сын Алекс – мой давний друг с тех времен, когда мы оба работали корреспондентами в Москве. Некоторые особенно колоритные детали жизни в Германии я нашел в неопубликованных заметках Кэтрин (Кэй) Смит, жены капитана Трумэна Смита, который был первым из американских представителей, встречавшихся с Гитлером – в бытность Смита еще только младшим военным атташе.

Важно помнить, что свидетели видят творящуюся историю, еще не представляя, к чему приведут события. Ванзейская конференция, на которой разрабатывались планы Холокоста, еще в ту пору была далеким будущим – ей предстояло случиться 20 января 1942 г. Германская армия тогда впервые начала сталкиваться с серьезными сложностями на Восточном фронте, а остававшиеся в Германии американцы начали из нее выбираться: уже произошел Пёрл-Харбор, уже Гитлер объявил войну США. Разумеется, у американцев была масса возможностей видеть и слышать о преследованиях евреев и всех, кто считался врагом режима, а также о первых военных успехах Гитлера и первых массовых уничтожениях людей. Некоторые из этих амери-

канцев продемонстрировали примечательную смелость и прозорливость, другие же отводили глаза и держались в сторонке, а порой даже и сотрудничали с новым режимом.

В основном в этой книге будут показаны точки зрения и личные истории американцев, относящиеся непосредственно к периоду перед войной и перед Холокостом. Я имел честь быть репортером в гуще недавних событий, относившихся к падению советской империи и освобождению Центральной Европы, – и я прекрасно представляю, как трудно, может быть, разобраться в происходящем и как непросто делать нравственный выбор о том, что делать в таких обстоятельствах. Оказавшись в центре вихря, вы как бы живете совершенно нормальной жизнью, даже если вам прекрасно видна ненормальность, абсурдность и несправедливость происходящего. Вместо того, чтобы бездумно осуждать американцев, живших в гитлеровской Германии, я хочу дать прозвучать их собственным историям. Правоту и неправоту позиции, качество их морального компаса стоит оценивать с точки зрения их собственного опыта, а не нашего позднейшего знания о случившемся – роскоши, для них недоступной.

Глава 1. «Нервный срыв»

Даже сейчас для людей Берлин 1920-х гг. – это тест Роршаха.

Часть первым делом представляет себе политический паралич и хаос, где революционеры и контрреволюционеры дерутся прямо на улицах. Другие вспоминают о гиперинфляции, лишившей людей всех сбережений и загнавшей миллионы людей среднего класса в самую настоящую бедность. Третьи думают о сексуальной свободе этого времени – или о разнузданных извращениях и упадке, тут уж все зависит от точки зрения. Наконец, некоторые видят в этой эпохе удивительный культурный ренессанс, творческое оживление в науке и искусстве, ставшее возможным благодаря демократической системе.

Как ни странно, все эти ассоциации исторически верны и вполне соответствуют тому, что происходило. После Первой мировой войны Берлин стал настоящим политическим полем боя, причем довольно часто в очень буквальном смысле слова. Беспорядки происходили и в других городах Германии, но в Берлине борьба шла особенно ожесточенно. В феврале 1919 г. в Веймаре собралась только что избранная Национальная ассамблея, чтобы сформулировать новую Конституцию, – и собралась она именно там потому, что требовалась место поспокойнее, чем Берлин. Но рождение Веймарской республики быстро привело к восстаниям и среди правых, и среди левых, возненавидевших новое правительство и его эксперименты с парламентской демократией. Демагоги всех сортов находили себе приверженцев среди людей, еще не успокоившихся после унижительного поражения, тяжелых потерь среди населения и тяжелых условий Версальского мира.

Отчаянное положение в экономике лишь усугубляло политический хаос. Немецкая марка сильно подешевела, жизнь людей с фиксированными доходами значительно ухудшилась. Самые обычные товары – такие как буханка хлеба – сперва стоили тысячи, потом миллионы, потом миллиарды и даже триллионы марок. Ничтожная стоимость денег прекрасно отразилась в вывеске кассы одного из городских театров: «Места в партере: первые ряды – цена равна стоимости полуфунта масла, задние ряды – двух яиц». И среди общей бедности всегда находились те, кто наживался и жил экстравагантно.

Особенно заметна была экстравагантность в сексуальных нравах. Драматург Карл Цукмайер сообщал, что на одной из многочисленных городских вечеринок видел юных официанток, одетых «лишь в прозрачное белье с вышивкой в виде серебряного фигового листа». В отличие от «заек» в американских клубах, этих «можно было трогать», подобные забавы напрямую включались в стоимость билета. На стене висел плакат: «Любовь – лишь глупое преувеличение различий между разными сексуальными объектами».

Подобные сексуальные вольности были одной из причин, по которой любопытные иностранцы тянулись в немецкую столицу. Но еще более важной причиной была репутация Берлина как выдающегося центра культуры. Город мог похвастаться такими людьми, как Бертольд Брехт, Альберт Эйнштейн, Марлен Дитрих и Георг Гросс, он был магнитом для талантливых творцов, энергичных и предприимчивых – в том числе и для американцев.

«Люди забыли, что после Первой мировой больше всего интеллектуалов и деятелей культуры собралось вовсе не в Париже и уж точно не в Лондоне и не в Нью-Йорке, а в Берлине», – вспоминает Михаэль Данци, американский музыкант, игравший на банджо, на всех видах гитар и на мандолине, который провел послевоенные годы в немецкой столице. «Берлин действительно был столицей Европы: все железнодорожные пути из любого европейского города вели до Берлина».

С самого начала многих американцев привлекал и политико-экономический хаос: задумываясь о будущем новой Веймарской республики, они пытались понять, что за силы развер-

нулись в послевоенной Германии, особенно в Берлине. Но, подобно рассказам Кристофера Ишервуда, по мотивам которого были созданы мюзикл и фильм «Кабаре», в воспоминаниях американцев того времени часто встречаются зловещие предвестники того, что вскоре поглотит Германию и почти всю Европу. Когда нацисты были еще маленьким радикальным движением из Мюнхена, они видели в Берлине злой, декадентский город, не сравнимый со столицей Баварии, где их поддерживало куда больше народу. «Контраст [Мюнхена] с Берлином был очевиден», – рассказывает Курт Людеке, присоединившийся к партии в 1920-х гг., ставший активистом и собирателем пожертвований, в том числе во время поездок в США. «Один город был Меккой марксистов и евреев, второй – цитаделью их противников». Гитлер продолжал недолюбливать столицу Германии и её жителей, даже когда уже пришел к власти и стал править из Берлина.

Если говорить об американцах, приехавших в Германию вскоре после Первой мировой войны, то в их историях много загадочного, по-настоящему странного. Бен Хехт, будущий знаменитый драматург и продюсер Бродвея и Голливуда, приехал в Германию в 1918 г. Ему было 24 года, он был репортером *Chicago Daily News*. В свои первые два года в немецкой столице он писал о происходящем так: «политические клоуны, авантюристы и крючкотворы, безмозглые параноики» выступают словно в уличных театрах, и в результате «все становится политикой, революцией и контрреволюцией». В своем письме издателю Генри Джастину Смиту в Чикаго он отметил в заключение: «У Германии нервный срыв. Здравомыслия не обнаружено».

Хотя большинство соотечественников дома было вполне счастливо позабыть про закончившуюся мировую войну и вернуться к домашним делам, в Германию отправлялось новое поколение американских дипломатов и военных атташе, чтобы возобновить официальные связи между странами. Они собирались оценить настроения в Германии и понять, есть ли у нынешних властей возможность справиться с политическим хаосом и углубляющимся экономическим кризисом, доведя демократический эксперимент до хорошего результата.

Для молодого дипломата Хью Уилсона военный и послевоенный Берлин стал подтверждением того, что свое будущее надо связать со службой за границей, а не с семейным бизнесом в Чикаго. Незадолго до войны он решил посмотреть, на что похоже будет «несколько лет поработать дипломатом, для опыта и разнообразия». Он прошел экзамен в дипломатической службе, полагая, что всегда сможет вернуться к прежней жизни, если новая ему не понравится. Но тут изменился весь мир. После своих первых поручений в Латинской Америке Уилсон в 1916 г. отправился в берлинское посольство. Он проработал лишь несколько месяцев в городе, который был «словно в осаде против всего остального мира»: после этого США вступили в войну, и посольство было эвакуировано в Швейцарию специальным поездом. К тому моменту, когда Уилсон был снова направлен в побежденную Германию, он принял уже решение «применить каждый атом энергии и весь ум, какой у меня только есть», занявшись тем, что считал теперь делом своей жизни. Это стало вторым его путешествием в Берлин. В третий раз он попал туда в конце 1930-х, став последним послом США в нацистской Германии.

Уилсон со своей женой Кэт прибыл в Берлин в марте 1920 г., когда происходил Капповский путч: его события видели все американцы, что оказались тогда в здании посольства США в доме 7 на Вильгельмплац. Номинальным лидером мятежников был Вольфганг Капп, штаб которого располагался во дворце на противоположной стороне заполненной колючей проволокой и пулеметами площади. Это конкретное восстание быстро угагло, но Уилсону довелось посмотреть на целый ряд всплесков насилия, с весьма характерным немецким колоритом. «Мятежи, судя по всему, происходили на строго ограниченных территориях, это было частью правил игры, которой придерживались сами мятежники», – отмечал он.

Уилсон также добавлял: «Мне самому случалось видеть уличные сражения с применением ружей и пулеметов», – а в нескольких сотнях метров люди занимались своими делами, все

было в полном порядке. В другом случае он видел из окна посольства, как тысячи «спартаковцев» (так тогда называли коммунистов) устроили протесты на Вильгельмплац, перед зданием рейхсканцелярии. Хотя демонстранты «выглядели разгневанными и ругались», он отметил, что никто из них не перелезал через ограждения газонов и клумб: это нарушало их ощущение порядка. Уилсона и других американцев, бывавших ранее в Германии, особенно поражали в Берлине постигший его заметный упадок и бедность. «Убогость Берлина тех времен непредставима. Все нуждалось в покраске и уборке, – вспоминал он. – Это был единственный период, когда я видел на улицах города скрупулезно чистоплотных людей брошенные газеты и грязь». Даже здание посольства, где жили многие его сотрудники, было в ужасном состоянии: крыша протекала при сильном дожде и при таянии снега. Поскольку Вашингтон регулярно отклонял просьбы выделить деньги на ремонт, Уилсон и коллеги молились, чтобы дождь пришелся на приезд сенаторов или конгрессменов и те увидели, насколько плохо обстоят дела.

Но это было ничто по сравнению с бедами местных жителей, среди которых были и искалеченные ветераны, ставшие уличными нищими. Блокада Германии продолжалась еще несколько месяцев после окончания войны, все становилось только хуже. Уилсон указывал, что «на каждой руке были видны признаки недокорма и болезней, особенно детского рахита».

Кэтрин Смит, известная также как Кэй, отмечала исключительную бедность жителей с самого момента своего приезда в Берлин в 1920 г., куда она прибыла со своим мужем капитаном Трумэном Смитом, новым помощником военного атташе. Подобно многим американцам, эта семья поначалу поселилась в знаменитом отеле «Адлон». Это была примечательная контрастом внешности пара: ей было двадцать лет, её рост составлял всего 5 футов, ему же было двадцать шесть, и он был 6 футов 4 дюйма ростом. Фасад отеля был изрешечен пулями, дырки от них были даже в холле, но в остальном, как отмечала Кэй, «интерьер выглядел роскошно, служащие отеля были очень вежливы, а холл полнился иностранцами». Но как только Кэй сделала шаг за пределы этого места, она в первый же день оценила его изолированность от окружающей жизни. Выйдя на прогулку, Кэй первым делом постаралась одеться модно. «Я выбрала бежевое с голубым муслиновое платье, бежевое пальто с лисьим воротником и, как обычно дома, дополнила это бежевыми замшевыми туфлями и чулками в тон к ним, а также голубой шляпкой» – в таких подробностях она описывала свой гардероб. Выйдя из отеля, она пошла по Унтер-ден-Линден и задержалась посмотреть на витрину магазина с фарфоровой посудой. Внезапно она услышала сзади бормотание и, оглянувшись, увидела группу оборванцев, поглядывавших на нее и перешептывавшихся. «Я для них выглядела как марсианка», – вспоминала она. Один из людей задал ей какой-то вопрос, которого она не поняла и на всякий случай сказала, что американка.

– Ага! – услышала она в ответ.

Кэй поспешила вперед, собравшиеся расступились, и она помчалась назад в отель, где переделалась из своего «совершенно неподходящего наряда» в простую черную одежду. «Это был очень странный и поучительный опыт», – писала она.

Таким же опытом оказалось и переселение в квартиру. Во-первых, ей пришлось бороться с блохами, которых хватало по всему городу. Затем она наняла горничную и была крайне изумлена разговорами с ней. Раз девушка взяла тарелку с яйцом, которое не доел Трумэн, и спросила у Кэй, можно ли ей доест. Кэй изумилась:

– Но это же остывшее растекшееся яйцо! Зачем?

Горничная объяснила, что не ела яиц с начала войны. Когда Кэй разрешила ей есть столько яиц, сколько та захочет, девушка была ошарашена. В других домах слугам не разрешали есть ту же еду, что их наниматели, а продукты обычно запирались на ключ.

Пока Кэй внимательно наблюдала за социальными реалиями, Трумэн столь же усердно занимался исследованием политических перспектив Германии, не ограничиваясь военной частью своей работы. Это неудивительно, учитывая его личную историю. В 1915 г. он закончил Йельский университет (среди его одноклассников были весьма известные Дин Ачезон и Арчибалд Маклиш), в Первую мировую войну Трумэн служил в пехоте и был награжден Серебряной звездой за храбрость, он увлеченно изучал немецкий язык, германскую политику и историю. Как и Уилсон, он уже служил в Германии до того, будучи политическим советником при армии США в Кобленце, начиная с марта 1919 г. и до своего перевода в Берлин в июне 1920 г. Впоследствии он снова вернулся в Германию, уже в 1930-х гг., когда у власти был Гитлер. Его дочь Кэтхен уверена, что он стал бы профессором истории, если бы не бросил учебу в Колумбийском университете ради военной карьеры, которая заняла тридцать лет. Для иностранцев вроде Уилсонов и Смитов, приехавших в страну после войны, падение немецкой марки означало, что все становилось дешевле и дешевле: главное, надо было тратить деньги сразу после обмена валюты. «В конце победоносной войны все для них стало стоить смешные суммы, они жили роскошно и могли развлекаться сколько угодно», – писал Уилсон. Вокруг хватало других иностранцев, готовых составить компанию, хотя само американское представительство по современным стандартам было очень маленьким. «Все посольства нанимали много персонала, жили роскошно. Правительства Альянса обеспечивали сотни иностранных офицеров и их жен, – добавлял Уилсон. – Их униформы были привычным зрелищем на улицах Берлина». В письмах Кэй Смит к матери и в её неопубликованных мемуарах описывается бесконечный водоворот дипломатических вечеринок и мероприятий. В приглашении на бал-маскарад, который Уилсон с женой устраивали в 1921 г. совместно с еще одним американским коллегой, был следующий текст:

*Девятнадцатого марта сего года
Приходите в гости к нам со всей свободой —
Приходите без приличий,
Без чинов и без различий,
Но шикарно разодевшись, как угодно.
В девять тридцать мы начнем наш вечер с джаза,
До упаду танцевать мы будем разом,
А потом поставим Schinken,
Чтобы essen их и trinken,
Вечер проведем и с белым мы, и с красным!*

Статус американца в Берлине был особенным не только потому, что он был иностранцем, способным купить все, что продается за стабильную валюту. Они также быстро замечали, что бывшие враги относятся к ним с неожиданной теплотой. «Тогда, в 1920-м, немцы хотели дружить со всем миром, но особенно – с американцами, – писал Уилсон. – Удивительно, как в этом уважении проявился инстинкт воина. Эти почти убогие попытки подружиться были в том числе и желанием выразить восхищение грандиозным усилием США в 1917 и 1918 гг., великому духу и решимости наших солдат...»

Уилсон, возможно, преувеличивает преклонение перед американскими войсками, но он был прав относительно общего проамериканского настроения. Как сформулировала Кэй Смит, «люди вкладывали все силы в то, чтобы любезничать с американцами». Трумэн купил для Борсалино фетровую шляпу с широкими полями. В такой шляпе он немедленно выделился среди толпы на Унтер-ден-Линден и на других улицах, его стали узнавать. Кэй с гордостью вспоминала об этом: «Его прозвали Американцем. Немцы вообще восхищаются высокими и худощавыми людьми». Американцы стали в некотором смысле «хорошими победителями».

Одна из причин такого отношения к «хорошим победителям» состояла в том, что они обычно отвечали немцам такой же доброжелательностью. И те и другие при этом не любили французов – «плохих победителей». Сразу после Первой мировой войны Вашингтон и Париж часто имели различные мнения о том, как поступать с побежденной Германией. США и Британия предпочитали давать берлинскому правительству достаточно возможностей применять войска для подавления постоянных беспорядков, которые организовывали и правые и левые. Американцы были особенно недовольны тем, что Франция настаивала на получении грабительских, с их точки зрения, репараций. Но французы протестовали против всего, что полагали нарушением Версальского договора, – и использовали это как предлог, чтобы оккупировать еще немного территории Германии. После Капповского путча они пересекли Рейн и заняли в 1923 г. индустриальный Рур, объявив это наказанием за невыплаченные репарации.

«Французы – самая воинственная нация в Европе: эта война их ничему не научила», – жаловалась Кэй в своем письме к матери 12 марта 1920 г. «Германия не будет больше устраивать войн. Они хотят, чтобы Англия и Америка были на их стороне, они очень стараются для этого перестроить себя». В другом письме она говорила так: «Франция очень боится новой атаки Германии, её политика состоит в том, чтобы максимально Германию искалечить». Уилсон указывал, что французы сделали только хуже, когда в том же году прошли еще дальше за Рейн и разместили в Рейнской области свои сенегальские и другие подразделения из чернокожих, что привело к волне изнасилований и других криминальных инцидентов. «По всей Германии полыхала ненависть к французам», – писал он.

Из-за этих тревожных сообщений Государственный департамент запросил возможность провести расследование представителями Вооруженных сил США. Изучив предъявленные обвинения, генерал-майор Генри Т. Аллен, командовавший американскими войсками в Германии, доложил в Вашингтон, что германская пресса искажает события, играя на расовых предубеждениях и пытаясь вызвать антипатию к Франции за рубежом, «особенно в Америке, где проблемы с неграми всегда находят отклик». В своем докладе Государственному департаменту, впоследствии представленном конгрессу, он признал, что французским властям сообщили о 66 преступлениях сексуального характера, но он также указал, что в результате французские трибуналы вынесли по этим делам 28 обвинительных и 11 оправдательных приговоров, что можно считать серьезной попыткой поддерживать дисциплину. «Описываемые в немецкой прессе зверства французских негритянских колониальных войск – похищения с дальнейшими изнасилованиями, нанесением увечий, убийствами и сокрытием тел жертв – являются ложью и политической пропагандой», – заключал он.

Аллен добавил, что подобные преувеличения отчасти связаны с «отношением некоторых категорий немецких женщин к цветным». Отмечая, что послевоенный экономический кризис вызвал всплеск проституции, он добавил, что «многие немки легкого поведения в открытую заигрывали с солдатами из цветных». Об этом, по его словам, свидетельствовали многочисленные любовные письма и фотографии. Как он сообщал, в Людвигсхафене высылали патрули, «чтобы отгонять немок от казарм, где они целовались с солдатами-неграми через оконные решетки».

Еще примечательнее, что Аллен упомянул несколько межрасовых браков, включая один с дочерью важного чиновника из Рейнланда – Рейнской области. «Ни французы, ни немцы не соблюдают так щепетильно границу цвета, как американцы: мы бережем чистоту белой расы». Хотя Аллен не отрицал, что случаев сексуального насилия было задокументировано довольно много, он был убежден, что поведение самих немок «приводило к неприятностям».

Однако американцы, жившие в Германии, были уверены, что во все надо винить мстительную политику Франции, а не самих немцев. В немцах они видели жертв, что отлично соответствовало местной политической риторике. «Боюсь, что многие, служившие в Германии после Первой мировой войны, повелись на местные настроения», – писала гораздо позже кор-

респондент *Chicago Tribune* Сигрид Шульц. «Мы невольно поддерживали немцев своим сочувствием». 29 января 1921 г. Карл Генри фон Виганд, выдающийся репортер треста Херста, писал своему коллеге в Париже К. Ф. Бертелли о том, как ужасно устал от французов. «Ваши французские друзья совершенно обезумели после окончания войны». Упомянув очередные требования репараций со стороны французов, он добавил: «Неужели французы никогда не придут в чувство и не увидят, как изменилась Европа?» Он заключил, что многие американцы и европейцы «крайне устали от завываний французов про их потери в войне».

Виганд был корреспондентом, чувствовавшим себя в Германии и остальной Европе как дома. Он родился в 1874 г. в Гессене и приехал в США ребенком, вырос в Айове на фермах, где его отец-иммигрант пытался заработать на жизнь и в процессе потерял две фермы. Когда отец «почти лишился третьей», Карл, которому не было и четырнадцати, решил сам искать свой путь в жизни и ушел, не сказав семье о том, что не вернется. «Это было так жестоко по отношению к хорошему отцу и добрейшей из матерей», – писал он много позже в набросках автобиографии, которую так и не закончил. Он рассказывал, что поработал на ранчо у Буффало Билла – который вблизи оказался не слишком похож на романтического героя фронта, как можно было бы представить по приключенческим романам. Потом он отправился дальше на запад и наконец нашел работу в *Associated Press* в Сан-Франциско. Там он ухватился за возможность применить свой немецкий и стал писать о Первой мировой войне для конкурента, *United Press*, с радостью оставив офисную работу в редакции. Через три месяца войны он взял эксклюзивное интервью у кронпринца Фридриха Вильгельма, сына Кайзера. Именно тогда кронпринц сказал американцу знаменитые слова: «Я уже предупреждал отца – война проиграна». Эти заголовки обеспечили Виганду начало настоящей карьеры. Он снова сменил работу и перебрался в *Hearst*.

Как и любой хороший репортер, Виганд понимал, что издателям и читателям нужны самые разные истории о новой Германии. Хотя он, как положено, сообщал о каждом политическом кризисе, об уличных боях и экономическом дефиците («Нехватка продовольствия тревожит всю Германию» – гласил заголовок его статьи в выпуске от 23 мая 1922 г.), он также подбирал и другие темы, которые могли заинтересовать читателей – или, если текст могли не пропустить издатели, хотя бы его коллег. Это особенно касалось темы внезапной свободы сексуальных нравов в послевоенной Германии. Виганд вел на эту тему частную переписку с Бертелли, находившимся в Париже. В одном из писем 1921 г. Бертелли просит Виганда написать побольше про «кокаин и знаменитую деградацию в старом городе». Он добавлял, что хорошие истории на эту тему «вызовут громкое негодование по всей Америке... а также страстное стремление попробовать!» Затем было много советов по поводу того, как Виганду следует собирать сведения. «Возможно, во время своих ночных расследований – все для блага будущих поколений, разумеется, – ты найдешь какую-нибудь новую Венеру... Не забывай про необходимые меры предосторожности...»

Раз один из американских читателей Виганда решил, что корреспондент мог бы помочь ему в личном деле. «Я ищу себе жену, – так писал ему 14 января 1921 г. Р. К Брухман из Данвилля в штате Иллинойс. – Я думаю, в Берлине сейчас множество красивых и хороших девушек, которые могли бы стать прекрасными женами». Он вложил в конверт \$1.50 и попросил Виганда дать объявление в берлинской газете, гласящее, что американский джентльмен немецкого происхождения, 35 лет, хочет жениться на девушке от 18 до 25 лет. Виганд удивился, но согласился помочь, отметив, что впервые довелось ему поработать брачным агентом. «В Германии женщин как минимум на миллион больше, чем мужчин, есть из кого выбирать, и я не сомневаюсь, что вы получите много откликов», – написал он в ответ. «Многие утонченные и образованные девушки в Германии из когда-то обеспеченных семей сейчас действительно оказались в большой нужде».

Виганд также бывал на вечеринках дипломатов в Берлине и порой писал об этом, особенно когда американцы оказывались в главных ролях. «Берлинский дебют юных Хоутон» – так звучал заголовок его статьи для *The Washington Times* 30 декабря 1922 г. Подзаголовок пояснял: «На великолепном светском рауте обществу представляют дочерей посла США». Алансон Б. Хоутон, промышленник, ставший конгрессменом и впоследствии дипломатом, был первым послом Вашингтона в Берлине после войны. Ему очень не понравилось то, что он обнаружил в Германии, и он многократно предупреждал Вашингтон, что экономические проблемы и политические беспорядки в Германии могут быть крайне опасны для всего континента. Но это не мешало ему появляться на роскошных вечеринках в городе, о которых с большим энтузиазмом писал Виганд.

На бал в честь своих дочери и племянницы Хоутоны пригласили, по словам Виганда, «четыреста представителей дипломатических служб и официальных лиц Германии, а также множество американских гостей». Далее он добавлял, что подобное «блистательное торжество» очень повысило престиж Америки. Предположительно, успеху вечера способствовали наряды дочери и племянницы («платье с серебряным шитьем» и «золотая сетка поверх оригинального золотого наряда»), равно как и то, что у обеих были «огромные розовые веера». В качестве музыки звучал американский джаз-банд, а «над танцующей толпой вспыхивала разными цветами машина для движущихся картинок». До эпохи дискотек оставалось еще полвека.

Виганду нравилось писать о таких мероприятиях, но он понимал, что издатель ждет от него материалов, проясняющих политические пертурбации в Германии, и он относился к этому ответственно. Причем настолько серьезно, что стал первым американским корреспондентом, взявшим интервью у местного агитатора из Мюнхена, привлекавшего внимание своим ораторским талантом. Звали этого агитатора Адольф Гитлер.

Виганд утверждал, что впервые встретил Гитлера в 1921 г., но стал принимать его всерьез и писать о нем лишь год спустя. Учитывая, как много экстремистов было в ту пору в Баварии, удивляться было нечему. Сама по себе встреча с правым или левым радикалом едва ли заслуживала упоминания в печати. Но к ноябрю 1922 г., после прихода Бенито Муссолини к власти в Италии, появилось ощущение, что правые усиливаются по всей Европе, что дало зацепку и для лидера немецких «fascisti». Заголовок статьи Виганда за 12 ноября 1922 г. звучал как «Гитлер в роли Муссолини для тевтонского кризиса», и эта статья была напечатана в *New York American*, одной из газет группы *Hearst*. «Тень фашизма поднимается в Германии», – писал Виганд. И далее пояснял, что Гитлер – «лидер движения, вызывающего не меньшее беспокойство среди коммунистов и социалистов, чем в правительственных кругах Берлина и Мюнхена». Это стало ключевой фразой в тот день. К статье он сделал аннотацию, по которой средний читатель мало что понял бы об истинной природе этого нового политического движения.

Осуждая условия Версальского договора, Гитлер настаивал, что стремится к примирению с Францией. Как он сказал Виганду, затевать войну «было бы самоубийством, если бы не было идиотизмом». Что до внутренней политики, он призывал немцев работать по два лишних часа в день, чтобы выплатить репарации и избавиться от долгов. Он отрицал наличие каких-либо намерений восстанавливать монархию или ратовать за отделение Баварии, он нападал и на марксистов. «Истинный социализм состоит в благополучии всего народа, а не в благоденствии одного класса за счет окружающих. Как следствие, мы против классовой борьбы», – заявлял он. Но американские читатели, не слышавшие прежде об этом новом политике, наверняка больше всего внимания обратили на описание Гитлера самим Вигандом. Тот называл политика «человеком из народа», воевавшим в окопах Первой мировой и впоследствии работавшим плотником, мастером-строителем (художественное преувеличение, на деле Гитлер подрабатывал разнорабочим). Виганд назвал его «магнетическим оратором, невероятно одаренным в вопросах организации». И далее так описывал главные черты «немецкого Муссолини»:

«Ему тридцать четыре года, он среднего роста, худ и темноволос, его глаза словно пылают огнем. У него прямой нос и тонкие черты лица – настолько изящные, что многим дамам захотелось бы иметь подобные. В нем чувствуется невероятная энергия, которую он прекрасно контролирует...»

«Таков Гитлер – один из самых интересных людей, которых я встретил за последнее время».

«Он отличается апостольским рвением, обладает ораторским даром и магнетизмом, который приводит к нему последователей даже из коммунистов и социалистов. Гитлер – прирожденный лидер. Будущее покажет, останется ли его движение сугубо местным или же станет масштабным».

«Он твердо верит, что его миссия – поднять Германию и спасти её от внутренних врагов...»

В конце статьи Виганд заключает: «Баварские фашисты, подобно итальянским, тайно сотрудничают с рейхсвером и полицией. Есть причины опасаться, что однажды Гитлер объявит себя диктатором Баварии».

Еще до отправки этой истории в издательство Виганд говорил послу Хоутону в Берлине, что в южной части страны неспокойно и что генерал Эрих Людендорф может попытаться свергнуть правительство и установить правую диктатуру. Людендорф командовал германской армией в конце войны. После недолгого пребывания в изгнании он вернулся в страну и вышел в Мюнхене на контакт с Гитлером и другими агитаторами. Вместо того чтобы смириться с военным поражением Германии, он обвинял в случившемся социалистов, левых и евреев, заложив основу теории «предательского удара в спину». Хоутон считал, что ему нужно больше информации о том, что происходит на юге. «В Баварии что-то назревает, но никто не знает точно, что именно, – писал он в своем дневнике. – Возможно, это так ничем и не кончится, но ставки слишком велики, и нам не стоит слепо рисковать». Хоутон направил заняться расследованием капитана Смита, своего помощника военного атташе. Пока Виганд готовил свою статью про Гитлера, Смит пошел по его следам – и стал первым американским официальным лицом, встретившимся с будущим лидером нацистской Германии.

Позже Смит рассказывал, что большая часть иностранных дипломатов в Берлине пренебрегала тогда национал-социалистами как «незначимыми», а их лидером, Адольфом Гитлером, как «безграмотным психом». Хоутон же, напротив, «уже тогда предчувствовал, что подобное движение и его лидер могут сыграть важную роль в неспокойной Германии ранних 1920-х». Непосредственный начальник Смита, посол и военный атташе подполковник Эдвард Дэвис, приказывал своему подчиненному «установить личный контакт с самим Гитлером и оценить его характер, личность, способности и слабости».

Смит прибыл в Мюнхен 15 ноября с уже подготовленным списком вопросов, касавшихся важных тем, обсуждаемых среди дипломатов в Берлине. Во-первых, есть ли риск, что Бавария объявит о своей независимости в свете явной враждебности «реакционных властей Мюнхена» по отношению к «умеренно-левому рейху в Берлине»? Во-вторых, «есть ли риск нового коммунистического восстания в Баварии (в 1919 г. там была ненадолго провозглашена Баварская Советская Республика)? В-третьих, «достаточно ли сильны национал-социалисты Гитлера, чтобы захватить власть в Баварии»? Он также должен был проверить лояльность 7-й дивизии рейхсвера (как называлась тогда германская армия), а также оценить значимость отдельных инцидентов, происходивших между баварцами и представителями сил контроля союзников, все еще действовавшими на территории Германии после поражения последней.

Смит отправился выполнять поручение: ему надо было пообщаться как можно с большим количеством людей, записать эти разговоры и свои комментарии по ним в блокнот. В этих заметках он, что типично для военных, говорит о себе в третьем лице.

Прибыв на место, он первым делом отправился в консульство США, где встретился с консулом Робертом Мерфи. С момента открытия консульства в 1921 г. все четыре его сотрудника были завалены бумажной работой: они выдавали около 400 виз в день. «Было ощущение, что вся Бавария хочет эмигрировать», – вспоминал Мерфи. Но сотрудники консульства также старались следить за полной событий местной политикой, особенно за Гитлером и другими радикалами. «Было очень приятно отдохнуть от работы и послужить репортерами по политической теме для Государственного департамента». Мерфи рассказал Смигу, что новый министр-президент Баварии Ойген фон Книллинг слаб и что им легко манипулируют правые. Затем разговор перешел на Гитлера и нацистов. Смит так передал взгляды Мерфи:

– Национал-социалисты стремительно набирают силу. Их лидер, Гитлер, по происхождению австриец, а по сути – настоящий авантюрист. У него, однако, серьезные намерения, плюс он использует все имеющееся недовольство, чтобы усилить свою партию.

Мерфи также пересказал слух, что у Гитлера «темное прошлое» и что у него могут быть деньги, нелегально заимствованные у австрийского правительства. В Германии его последователи составляли уже около 40 тысяч человек, «в основном из рабочих слоев, весьма преданные своему лидеру». Хотя некоторые сообщали, что его поддерживают до 200 тысяч человек, Мерфи указывал, что даже с куда меньшими силами можно добиться многого, если правильно их применить.

– Гитлер прекрасно понимает психологию баварца. Сумеет ли он стать достаточно сильным, чтобы возглавить национальное движение в Германии, – другой вопрос. Вероятно, нет.

Отмечая, что национал-социалисты не сотрудничают с «другими монархистами», он добавлял, что баварское правительство позволяло нацистам «делать, что они хотят». Но Мерфи все же признавал, как трудно оценить роли схожих течений.

– Все эти националистические общества так перемешаны, что их трудно различать.

Это было лишь начало расследования Смита: он спрашивал о Гитлере всех, с кем встречался. Генерал Кресс фон Крессенштейн, командир артиллерии 7-й дивизии, с Гитлером лично не встречался, но называл его националистическое движение «здоровым отходом от социализма». «Генерал оценивал этого человека как гениального оратора, но полагал, что Гитлер не столь радикален, как можно подумать по его речам». Крессенштейн далее пояснил, что Гитлер – антисемит «в здоровом смысле этого слова», поскольку не хочет позволить евреям занять места в правительстве. И он предсказывал Смигу, что если не случится какой-нибудь ошибки, то у этого движения «большое будущее». Он добавил, что национал-социалисты – сторонники «эволюционного развития, а не революционного».

Фридрих Трефц, главный редактор *Münchener Neueste Nachrichten*, согласился с тем, что национал-социалисты – значимая и растущая сила. «Гитлер – великолепный оратор. Лучше не бывает», – цитировал его Смит. Трефц сообщил Смигу, что ходил на собрание нацистов и сидел там между генералом и коммунистом. Оба последних пришли из любопытства – и впоследствии вступили в партию. Трефц сделал вывод: «Национал-социалисты не представляют прямой опасности для правительства. Но их семена пали на плодородную почву, и эта партия будет расти».

Наконец, Смит посетил неофициальную штаб-квартиру нацистов на Георгенштрассе, 42. Там он первым делом встретился с Максом Эрвином фон Шойбнер-Рихтером, давним доверенным лицом Гитлера. Тот сообщил, что в Мюнхене есть уже 35 тысяч членов партии, 200 тысяч симпатизирующих им и «военизированное организованное подполье», вооруженное дубинками и пистолетами. Что до антисемитизма партии, то он уверил американского посе-

тителя, что это «чистая пропаганда». В середине беседы внезапно началась суматоха. Национал-социалисты планировали в тот вечер устроить встречу в Регенсбурге, но Рейхсминистерство путей сообщения внезапно отказалось предоставлять людям Гитлера специальный поезд. Шойбнер-Рихтер объяснил, что мероприятие в Регенсбурге откладывается, а Гитлер отправится посмотреть на своих местных бойцов, «коричневорубашечников». Смита тоже пригласили пойти и посмотреть, в компании с идеологом партии Альфредом Розенбергом.

«Это действительно было примечательное зрелище, – писал Смит. – Там было две сотни самых крепких громил, каких я только видел в жизни. Они прошли парадным шагом перед стоявшим Гитлером, под флагом рейха, с красными повязками с *Hakenkreuzen* (свастиками)».

Обратившись к своим последователям, Гитлер сказал, что сейчас германское правительство не позволило им отправиться в Регенсбург, но на следующей неделе они «зачистят город». Далее в своем блокноте Смит писал: «Он потом воскликнул: “Смерть евреям!”, и еще в таком духе. Ему ответом были восторженные вопли. Я никогда в жизни такого не слышал». Далее Смита быстро представили самому Гитлеру, пообещавшему, что поговорит с американцем через два дня.

Ожидая встречи, Смит зашел в гости к генералу Людендорфу. Знаменитый командир сказал ему однозначно:

– Союзники *должны* поддержать сильное немецкое правительство, способное бороться с марксизмом.

Что до фашистского движения, он описывал его с одобрением как «начало реакционного пробуждения в Европе». Он далее делал вывод: «Америка должна понять, что лишь сильное национальное правительство может спасти страну от хаоса и гарантировать, что союзники по Антанте получат свои репарации».

21 ноября в 16 часов Смит вернулся в штаб-квартиру нацистов, чтобы встретиться с Гитлером. Кабинет последнего поразил американца: он был похож на жалкую заднюю комнату съемного домика в Нью-Йорке. Позже Смит выражал сожаление, что сосредоточился в тот визит на сути политической платформы Гитлера, а не на наблюдениях за его личностью. Однако его заметки в блокноте, сделанные в тот же день по возвращении в отель «Мариенбад», весьма проницательны. «Это блестящий демагог, – записал Смит. – Нечасто встретишь такого расчетливого и фанатичного человека. Его власть над толпой огромна». Свои политические планы Гитлер озвучил недвусмысленно:

– Парламент и парламентаризм должны уйти в прошлое. Они непригодны для управления современной Германией. Только диктатура может поднять Германию на ноги.

Вернувшись в Берлин, Смит в своем отчете перечислил свои наблюдения и добавил:

«Невозможно с уверенностью сказать, способны ли национал-социалисты Гитлера сыграть в Германии роль, подобную фашистам в Италии. На территории Баварии, к югу от Дуная, успехи Гитлера несомненны. Национал-социалисты перетягивают к себе многих членов крайних социалистических партий. Есть основания считать, что не только в Мюнхене, но и по всей Германии многие, даже заводские рабочие, готовы примкнуть к национальному движению, если совсем не включать в политические планы идею монарха, на которую опирались все предыдущие национальные движения. Учитывая уже достигнутые результаты, маловероятно, что у партии будут финансовые трудности с распространением идеи национальной диктатуры. В сумме все эти факты, в сочетании с магнетизмом и ораторскими талантами лидера национал-социалистов, указывают на то, что движение немецких «fascisti» будет стремительно расти».

Уже после окончания Второй мировой войны Смит напишет автобиографию, «*The Facts of Life*» («События моей жизни»), которую попытается опубликовать, но не преуспеет. В этой рукописи он вспоминает о своей встрече с Гитлером в 1922 г. «По моему мюнхенскому дневнику видно, что на меня произвела огромное впечатление его личность: я предчувствовал, что

он сыграет важную роль в германской политике, – писал он. – Но я и не представлял, что он станет править большей частью Европы».

* * *

17 ноября, когда Смит был еще в Мюнхене, прибыл Виганд, чтобы снова встретиться в Берлине с послом Хоутоном. Последний рассказал послу о своей встрече с Гитлером и о том, что лидер нацистов говорил о попытках «договориться» с Францией. Он предположил, что Гитлер может попробовать устроить государственный переворот и установить диктатуру.

Хоутон счел эти новости о Гитлере весьма «тревожными». Он решил написать лично государственному секретарю Чарльзу Эвансу Хьюзу и сделал это 21 ноября, не дожидаясь отчета Смита о встрече с Гитлером, которая происходила в тот же день. Хотя Хоутон ошибался, оценивая Гитлера как близкого к монархистам, но в остальном его письмо оказалось невероятно точным в оценке происходящего:

«Самые активные из монархистских группировок возглавляет молодой австриец по имени Гитлер. Под его началом, по приблизительным оценкам, есть около тридцати тысяч вооруженных людей. Благодаря своей яростной силе и фанатизму он стремительно превращается в лидера всего движения». Так писал Хоутон, упомянув, что отправил военного атташе для сбора дополнительной информации.

Ориентируясь на аналогичных итальянских деятелей, посол продолжил: «Фашистское движение уверенно распространяется по Германии... Оно предлагает методы и средства для консерваторов всех оттенков, которые теперь могут объединиться и отразить советскую агрессию... Они вполне могут привлечь в свои ряды большую часть населения».

Мерфи, действующий консул в Мюнхене, заметил и оценил опасность Гитлера гораздо позже. Он впоследствии признавал, что поначалу составил о нацистском лидере неверное представление, отчасти благодаря Паулю Дрею, немецкому сотруднику консульства, происходившему из хорошей еврейской семьи с давними баварскими корнями. Вдвоем они побывали на одном из ранних выступлений Гитлера, и по окончании Дрей раздраженно сказал Мерфи:

– Как этот австрийский выскочка вообще имеет наглость говорить, что нам, немцам, делать?

Послушав позже другие речи Гитлера, Мерфи спросил Дрея:

– Как ты думаешь, многого добьются эти агитаторы?

– Нет, конечно, – ответил Дрей. – Немцы слишком умны, чтобы повестись на такого прохиндея.

Этот немецкий сотрудник был очень старомоден – и реагировал на нацистов весьма старомодно. Однажды они с Мерфи заглянули в ателье заказать костюм, и портной повел себя откровенно грубо. Мерфи сообразил, в чем дело, и спросил портного, не принадлежит ли тот к партии нацистов.

– Да, я сторонник герра Гитлера, – ответил тот с гордостью.

Выйдя из ателье, Дрей спросил Мерфи, видел ли тот, как Дрей выказал свое пренебрежение члену нацистской партии. Тот признал, что не видел.

– Я не коснулся своей шляпы, когда мы уходили! – сказал Дрей так, словно этим не сделанным жестом сокрушил оппонента.

Мерфи лично встречался и разговаривал с Гитлером лишь раз, в начале 1923 г. Возможно, на него все еще влияло мнение Дрея, поскольку он не придавал этой встрече особого значения. В своем докладе Вашингтону «О политической ситуации в Баварии» от 17 марта 1923 г. Мерфи подробно писал о монархистском заговоре, добавив лишь небольшой раздел с заголовком «Интервью с Адольфом Гитлером». Встретиться с Гитлером американец решил потому, что хотел проверить слухи, будто Генри Форд, хорошо известный своими антисемит-

скими взглядами, поддерживает это движение. «Мистер Гитлер был очень дружелюбен и с сожалением ответил, что организация мистера Форда до сих пор не оказывала партии финансовой поддержки, – писал Мерфи. – Он сообщил, что в основном его финансируют патриотично настроенные немцы, живущие за границей».

Далее они вдвоем обсудили сложности, связанные с решением Франции и Бельгии оккупировать долину Рура в январе того года, в качестве наказания за невыплату Германией репараций. Мерфи сообщил, что Гитлер расценивал эту оккупацию, как «принципиальный вопрос политической и экономической жизни Германии, в котором нельзя идти на компромиссы». Лидер нацистов однозначно поддержал уже начавшуюся кампанию пассивного сопротивления и заявил, что в случае, если французская армия пойдет через Рейн в Баварию, «потребуется переход к активным действиям». Мерфи процитировал это мнение без своих комментариев и, по всей видимости, не был им сильно обеспокоен.

Что до начальства Мерфи в Государственном департаменте, они не слишком оценили его попытки узнать больше о политических сложностях в регионе. Уилбур Карр, писавший Мерфи по поручению государственного секретаря, в своем письме от 8 апреля 1924 г., жаловался, что в прошлом году «значительная часть сообщений из Мюнхена касалась политической и политико-экономической ситуации». Признавая, что «политическая нестабильность могла оставить в тени развитие коммерции», он все же просил консульство больше сосредоточиться на «продвижении американской торговли».

Мерфи принял это сообщение очень серьезно и действительно стал прикладывать больше усилий к написанию отчетов коммерческого характера. Но он стал все-таки следить за Гитлером внимательнее, хотя Дрей продолжал считать нацистов и их лидера ничего не значащими уродцами – даже уже после того, как те пришли к власти. Уже намного позже, в 1938 г., Мерфи, встревоженный сожжением синагоги в Мюнхене, снова поспешил приехать в этот город, чтобы убедить своего бывшего сотрудника бежать из страны, и обещал, что поможет ему найти работу в Госдепартаменте в другом месте. Дрей ответил, что благодарит за заботу, но что никуда не поедет.

– Это просто временное помешательство. Уважающие себя немцы не будут это долго терпеть, – настаивал он.

Пауль Дрей погиб в Дахау.

Пока капитан Смит готовился к поездке в Мюнхен, его коллега из посольства США в Берлине, Уоррен Роббинс, сделал звонок Эрнсту Ганфштенглю, находившемуся в столице Баварии. Объяснив, что Смит отправляется в южную часть страны, он попросил:

– Не могли бы вы присмотреть за ним и представить некоторым людям?

Это была мелкая просьба, имевшая большие последствия.

Роббинс знал, что Ганфштенгль охотно окажет помощь. Они вместе учились в Гарварде и участвовали в театральных постановках. Они ставили спектакль с названием *Fate Fakirs* («Факиры судьбы»), где Ганфштенгль – который, как и Смит, был ростом 6 футов 4 дюйма, – играл голландскую девушку по имени Гретхен Шпутсфайффер, в женском платье. «У меня было лучшее «сопрано» – фальцет», – вспоминал он. Этот высокий, крепкий человек обожал выступать перед аудиторией.

Ганфштенгль родился в Баварии, в 1887 г. Он был, по его собственным словам, «наполовину американцем»: отец его был из Германии, мать – из Америки, из весьма выдающихся семей. С детства у него было прозвище Путци, что означало по-баварски «малыш». Он с гордостью описывал свою семью: «Ганфштенгли были людьми значительными. Уже три поколения они служили советниками при Саксен-Кобург-Готской династии, прославившись как знатоки искусств и меценаты». Дед Путци был знаменит своими художественными репродукциями и ранним освоением техники фотографии. Бизнес его отца был связан с изобразитель-

ным искусством, он ширился, открывая галереи в Лондоне и Нью-Йорке. Мать Путци, Кэтрин, в девичестве носившая фамилию Седжвик, происходила из весьма примечательной семьи из Новой Англии. Её дядей по матери был генерал Джон Седжвик, герой Гражданской войны. Её отца звали Уильям Гейне, он учился на архитектора и бежал из Дрездена после революции 1848 г., впоследствии работал художником по декорациям в парижской Гранд-опера, а потом эмигрировал в Соединенные Штаты. Там он присоединился к команде адмирала Перри в качестве официального иллюстратора во время путешествия последнего в Японию. В Гражданскую войну он также стал в конце концов генералом и был одним из тех, кто нес гроб на похоронах Авраама Линкольна. После этого нет причин удивляться, что Путци в 1905-м отправился учиться в Гарвард, как для того, чтобы больше узнать о своем американском наследии, так и для того, чтобы заняться семейной арт-галереей на Пятой авеню в Нью-Йорке. Вспоминая о тех днях в Гарварде, Путци любил упомянуть, как он был там значим и какие у него были связи. «Мне неловко говорить об этом, но я был очень популярен в классе», – охотно рассказывал он. Ганфштенгль был исключительно тщеславен, но совершенно не заблуждался: он мог хоть исполнять Вагнера, хоть бацать на пианино марши для футбольной команды – и все равно привлекал всеобщее внимание в Гарварде, заводя знакомства среди таких людей, как Т. С. Элиот, Уолтер Липшман, Роберт Бенчли и Джон Рид. Но настоящий успех принесли ему поступки, совершенные за пределами университетского кампуса. Однажды холодным весенним утром 1906 г. Путци ждал у реки Чарльз тренировки по гребле. Как он вспоминал, «один очень криворукий гребец не справился со стремительным течением и перевернулся». Путци не задумываясь схватил лодку и поплыл к барахтающемуся человеку. Прямо в одежде он бросился в воду и сумел подтолкнуть тонущего к лодке. На следующий день в *Boston Herald* красовался огромный заголовок: «Ганфштенгль, герой Гарварда». Путци полагал, что именно этот эпизод помог ему познакомиться с другим знаменитым студентом Гарварда – Теодором Рузвельтом-младшим, старшим сыном президента. Зимой 1908 г. отец нового знакомого – «такого же экстраверта», по словам Путци, – пригласил Ганфштенгля в Вашингтон. Самым ярким воспоминанием его от встречи с Теодором Рузвельтом была холостяцкая вечеринка в подвале Белого дома, где он «порвал несколько басовых струн на великолепном концертном Стейнвее».

После Гарварда Ганфштенгль вернулся в Германию и год прослужил в Баварской лейб-гвардии, где в основном стоял на посту, охраняя дворец и чувствуя себя попавшим в совершенно другую эпоху. Потом он еще год учился в Гренобле, Вене и Риме, а потом вернулся в США и снова занялся принадлежавшей его семье галереей на Пятой авеню. Он часто обедал в Гарвардском клубе, где встречался с еще одним Рузвельтом – Франклином, который в то время был молодым сенатором в Нью-Йорке. Он также снова вышел на связь с Теодором Рузвельтом-старшим. Бывший президент сказал, что военная служба наверняка пошла ему на пользу.

– Я видел вашу армию в Доберице, когда был гостем у Кайзера. Хорошая дисциплина всегда идет на пользу, – сказал он. – Пока нация держится на подобном уровне, она не может ослабнуть.

Позже в своей беседе они перешли на искусство и политику.

– Ганфштенгль, ваша работа состоит в том, чтобы выбирать лучшие картины, но помните, что в политике выбирать приходится меньшее зло, – так сказал бывший президент.

Путци без всякой иронии позже отмечал, что эта фраза «запала ему в душу». Впоследствии Путци активно помогал Гитлеру прийти к власти.

Во время Первой мировой войны Ганфштенгль почувствовал, что такое зов родины. Еще до того, как США вступили в войну, он попытался помочь людям с немецких кораблей, заблокированных в Нью-Йорке, приглашая их оркестры выступать в свою галерею. Когда США стали участником войны, Путци пришлось найти юриста, бывшего сенатора Элиху Рута, который был государственным секретарем при Теодоре Рузвельте, и в конце концов под присягой пообещать

щать, что не будет участвовать ни в каких антиамериканских действиях. Это позволило ему избежать интернирования.

В феврале 1917 г. в отчете Министерства юстиции США Ганфштенгля охарактеризовали, явно по результатам долгих наблюдений, следующим образом: «Криминальных наклонностей не имеет, но в случае объявления войны между Германией и Америкой его желательно интернировать, поскольку он как офицер способен повести за собой людей, здесь или в Мексике».

Николас Рузвельт, еще один член знаменитого клана, писал властям, указывая, что Путци «крайне настроен против Америки», что он поддерживал тесную связь с посольством Германии до закрытия последнего и что он почти «фанатично поддерживает родину» и «весьма опасен».

Можно по-разному оценивать этот доклад, но Ганфштенгль в конце концов вернулся в Германию в 1921 г., уже с женой и ребенком. Там он увидел, что страна «раздроблена политически и в разоренном состоянии». Подобно Бену Хехту, говорившему о «нервном срыве» страны, Путци писал: «Мне стало видно, что Германия в политическом смысле стала сумасшедшим домом...» Он еще пытался разобраться в ситуации на своей изменившейся родине, когда ему позвонил бывший одноклассник из Гарварда, работавший теперь в берлинском посольстве США.

Смит прибыл в Мюнхен, и Путци сделал для него все, что мог, представив разным важным людям. В мемуарах он писал, что Смит был «очень приятным молодым офицером лет тридцати. Он учился в Йельском университете, но я все-таки встретил его дружески». Он был приветлив и с Кэй, приехавшей в Мюнхен вместе с мужем. Путци вскоре прославится в этих краях как ловелас, но в этот раз он вел себя как джентльмен. Он показал Кэй виды города в легкий снегопад, привел в собор Фрауэнкирхе, где американка была очарована средневековыми скульптурами. Затем они зашли в художественный магазин семьи Ганфштенглей, и он подарил ей гравюру с внутренним убранством церкви. «Это был прекрасный способ познакомиться с Мюнхеном, – писала она позже. – Возможно, благодаря этому дню я навсегда полюбила это место». Как оказалось, её мужу не потребовалось особой помощи Путци. Последний был поражен тем, что Трумэн «работает как бобер» и встречается практически со всеми, кто имеет какой-то политический вес. «Вскоре Трумэн знал о баварской политике больше меня», – признавался он.

В последний день пребывания Смита в Мюнхене он встретился с Путци за ланчем.

– Я этим утром столкнулся с самым примечательным человеком, которого только встречал, – начал Смит.

Путци спросил, о ком это он.

– Об Адольфе Гитлере, – ответил Смит.

– Вы, наверное, неверно запомнили имя. Вы же про Гильперта? Немецкий националист, хотя я бы не назвал его особенно примечательным.

Осознав, что Путци даже не слышал о Гитлере, Смит поправил его.

– Повсюду есть объявления, что он сегодня вечером будет выступать, – сказал он. – Говорят, он также вешает объявления: «Евреям вход воспрещен». Но он говорит такие убедительные вещи про честь нации, про права рабочих и новое общество... У меня впечатление, что этот человек сыграет огромную роль. Нравится вам Гитлер или нет, но он точно знает, чего хочет.

У Смита была аккредитация представителя прессы для присутствия в тот вечер на выступлении Гитлера в «Киндкеллере», популярном пивном ресторане Мюнхена. Поскольку ночью ему уже нужно было уезжать в Берлин, он попросил Путци приехать вместо него.

– Не согласитесь ли вы взглянуть на него и поделиться потом впечатлениями? – добавил он.

Ганфштенгль совершенно не представлял, чего ожидать, но согласился из любопытства. «От Гарварда до Гитлера далеко, но в моем случае это оказался один шаг», – писал он годы спустя. Или, как он позже вспоминал в одном из интервью, говоря о событиях, познакомивших его с Гитлером: «Нас просто сама судьба свела».

Глава 2. Тучи сгущаются

Когда вечером 22 ноября 1922 г. Путци Ганфштенгль прибыл в «Киндлкеллер», там было уже полно людей – лавочники, служащие, ремесленники, молодежь без определенных занятий. Многие были одеты в традиционные баварские костюмы. Пробравшись через толпу к столику для прессы, Путци попросил одного из репортеров показать ему Гитлера. Взглянув на будущего лидера Германии, Ганфштенгль был заметно разочарован. «В тяжелых сапогах, черном костюме и коротком коричневом кожаном жилете, с полужестким белым воротничком и маленькими усиками, он выглядел не слишком впечатляюще – прямо как официант в привокзальном ресторане», – вспоминал он.

Однако как только загремели приветственные аплодисменты, Гитлер выпрямился и прошел мимо столика для прессы «быстрым, четким шагом – настоящий солдат в гражданском», отметил Путци, который в этот момент сидел всего в восьми футах от платформы, занятой теперь Гитлером. Поскольку Гитлер как раз недавно побывал в тюрьме за подстрекательство к мятежу и прекрасно знал, что в толпе есть агенты полиции, слова он выбирал очень продуманно. Но, как описывал Путци, атмосфера «прямо-таки искрилась», а оратор оказался мастером «намеков и иронии». Вспоминая об этом первом услышанном выступлении Гитлера, Путци отмечал: «В те первые годы он был непревзойденным мастером голоса, формулировки, эффектности. А этот вечер был одним из лучших».

Начав речь почти в легком разговорном тоне, Гитлер стал подогрывать тему и говорить все более резкие вещи. Он говорил, что евреи наживаются на бедствиях окружающих, – как отметил Ганфштенгль, «такое обвинение легко было подтвердить». Он гневно отзывался о коммунистах и социалистах, обвиняя их в подрыве немецких традиций. И он предупреждал, что враги народа должны быть уничтожены.

Путци видел, что аудитории такая речь очень нравится, «особенно дамам». Когда Гитлер говорил о повседневной жизни, Путци следил за молодой женщиной, безотрывно глядевшей на оратора. «Словно зачарованная, в экстазе и вовлеченности, она будто была уже не собой, полностью попав под очарование деспотичной веры Гитлера в великое будущее Германии». Когда Гитлер оторвался от своей кружки пива, толпа взорвалась аплодисментами: было видно, что он привел её в восторг.

«Я был безмерно потрясен». Путци позже признавал, что он сразу стал прикидывать, как бы помочь и что посоветовать этому великолепному оратору, который явно «пойдет далеко». Оценив окружение Гитлера, Путци не увидел никого, кто мог бы «дать ему представление о мире за пределами страны, которого тот явно не знал, – и в чем я мог бы ему помочь». В частности, он обратил внимание, что Гитлер не представляет, сколь важным было вступление Америки в Первую мировую войну и как важна для европейцев растущая сила США. Как «наполовину американец», он увидел в этом свою миссию.

Путци пробрался к платформе, на которой стоял Гитлер, взмокший, но торжествующий. Он представился и передал наилучшие пожелания от Смита.

– О, вы друг того капитана, который звонил этим утром, – отозвался Гитлер, вытирая платком лоб.

Путци выразил свое восхищение и добавил:

– Я согласен с 95 % того, что вы сказали, и хотел бы однажды побеседовать с вами об остальном.

В послевоенном интервью он упоминал, что 5 % относились к «евреям и всему такому», но он не хотел в тот момент задевать чувства Гитлера и говорить об этом.

– Конечно, побеседуем, – отозвался Гитлер. – Я уверен, что мы не будем особенно спорить о последних 5 %.

Путци пожал ему руку, чувствуя, что собеседник его «скромен и дружелюбен». Вернувшись домой, он долго не мог заснуть, думая об услышанном в этот вечер и обо всем, что это означало. Он видел в Гитлере человека из народа, способного привлечь обычных немцев программой, отличной от коммунистической. А вот окружение Гитлера ему не слишком понравилось, особенно «сомнительные типы» вроде партийного идеолога Альфреда Розенберга – это был «болезненный и неопрятный человек, похожий на еврея в самом плохом смысле слова».

Тем не менее Путци утешил себя, вспомнив Ницше: «Первые участники движения – еще не свидетельство против него».

Жена Путци, Элен (в Германии её чаще называли Хелен), сыграла уникальную роль в истории прихода нацистов к власти. В разрозненных, не опубликованных заметках о своем общении с лидером нацистов она писала, что муж вернулся в тот вечер полный энтузиазма и говорил об «очень убежденном и убедительном молодом человеке». Хотя Путци и утверждает, что вторая встреча с Гитлером произвела на него «гораздо меньшее впечатление», он быстро связал свою жизнь с агитатором, который, по его мнению, мог добиться многого. Путци стал его пропагандистом и советником по общению с прессой, но поначалу его участие было социальным не в меньшей степени, чем политическим. И это было связано с явной увлеченностью Гитлера Хелен – чему совершенно не мешал тот факт, что она была американкой.

Путци рассказывал, что впервые представил Элен Гитлеру, когда привел её послушать его речь, а потом задержался для беседы. По его словам, будущему диктатору «невероятно понравилась моя жена – прекрасная американская блондинка». В своих заметках Хелен пишет несколько другое: согласно им, она встретила Гитлера в трамвае. Они с Путци ехали по делам, в трамвай вошел Гитлер, а муж представил их друг другу. После краткой беседы она пригласила его на ланч или на ужин, когда он найдет время. Какая бы версия ни оказалась верной, и Путци, и Элен утверждают, что в конце этой первой встречи Элен дала Гитлеру открытое приглашение в свой дом. Вскоре Гитлер действительно стал часто появляться на Генцштрассе, где пара жила со своим юным сыном Эгоном. Ганфштенгли в шутку называли это место «Кафе Генц». Элен писала: «С того дня он стал частым посетителем: ему нравилась тишина и домашняя уютная атмосфера, он порой играл с моим сыном – и часами рассказывал о своих планах и надеждах на возрождение Германского рейха». И с гордостью добавляет в своих послевоенных записках: «Ему, как мне кажется, наш дом нравился гораздо больше, чем другие места, в которых он успел побывать». По словам Элен, Гитлер носил дешевую белую рубашку, черный галстук, поношенный синий костюм и «неуместный» коричневый кожаный жилет и бежевый «совершенно ужасный» тренч сверху, дешевые ботинки и старую мягкую серую шляпу. «Выглядел он довольно жалко», – писала она. Но сама личность, скрывавшаяся под этим костюмом, ей понравилась: «Это был хрупкий и застенчивый молодой человек, его голубые глаза смотрели куда-то в неведомую даль». Она повторяла, что получила шанс увидеть Гитлера «совсем с другой стороны», чем его позже видели другие. «Он был очень теплым человеком, – говорила она в интервью 1971 г. – Это было так трогательно: он явно любил детей или уж, по крайней мере, хорошо притворялся. Он отлично ладил с Эгоном». Однажды мальчик выбежал Гитлеру навстречу, но поскользнулся и стукнулся головой о его кресло. Гитлер эффектно стукнул кресло, отругав его за то, что «сделало больно хорошему мальчику Эгону». Элен вспоминает, что это её «удивило и порадовало», а мальчик потом просил гостя снова так делать при следующих визитах.

– Дядя Дольф, пожалуйста, стукните это плохое кресло! – просил Эгон.

Элен поражалась тому, как долго Гитлер мог «говорить, и говорить, и говорить». По её словам, «никому и слова вставить не удавалось. Я помню, что он терпеть не мог, когда кто-то заговаривал. Говорить полагалось только ему, остальным – слушать. Из-за этого он не выносил некоторых людей: он хотел говорить только сам». В гостях ли, на общих встречах ли – «в ту пору его голос был невероятно звучным и выразительным. Потом перестал – возможно, от

постоянного перенапряжения... Часто говорят, что его голос просто гипнотизировал, и это я лично могу подтвердить. Так и было».

Ее восхищению ни капли не мешала тема, на которую говорил Гитлер. «Единственное, что он всегда бешено ненавидел, – это евреи», – признавала она. Он рассказывал, как евреи мешали ему получить работу, когда он жил в Вене. Хелен полагала, что это сделало его анти-семитом: «Все началось с личного – и превратилось в политику».

Кто же была та американка, что регулярно принимала у себя в гостях Гитлера, кормила его, подавала кофе с шоколадом – и словно не беспокоилась о его темной стороне? Хелен Нимайер была дочерью немецких иммигрантов, позаботившихся, чтобы дочь говорила по-немецки и помнила про свои германские корни. Но по её семейным фотографиям было отлично видно, насколько она американка: её в детстве сфотографировали на ступенях ратуши Хобокена, одетую в подражание статуе Свободы и с огромным американским флагом в руках. На фотографиях 1912–1913 гг. можно увидеть молодую женщину почти двадцати лет в сопровождении юных девочек в белых платьях с перевязями, на которых читаются названия штатов.

Вскоре после начала регулярных встреч Гитлер спросил у Хелен: «Как вы, американцы, здесь ориентируетесь?» Хелен объяснила про свои семейные корни и заметила, что по-немецки она говорит столь же свободно, как и по-английски, а также что считает свою национальность «половинкой на половинку», несмотря на американский паспорт.

Путци рассказал Кэй Смит, что Хелен однажды зашла в магазин его семьи на Пятой авеню, и он был просто потрясен. «Его так поразила красота этой женщины, что он пошел за ней до её дома», – вспоминала она. Хелен вовсе не была похожа на кинозвезду: в ней было 5 футов и 9 дюймов роста, она отличалась широкой костью и выглядела с раннего возраста неожиданно солидно. Но у нее было выразительное лицо и живые голубые глаза; волосы она эффектно убирала назад, одевалась консервативно, но элегантно. Хелен и Путци поженились 11 февраля 1920 г., получив свое брачное свидетельство от клерка в Квинсе. Год спустя, когда уже родился Эгон, они переехали в Мюнхен. Брак с самого начала оказался непростым. Когда Ганфштенгли приехали в Берлин и остались погостить у Смитов, Кэй обнаружила, что Путци склонен к шумному поведению и его приходится буквально контролировать. Однажды на совместном обеде обеих пар он сел за пианино и играл великолепно, что она отметила. «Он мог бы стать прекрасным музыкантом, если бы сосредоточился на этом... но он ни на чем не сосредотачивался». Вернувшись в квартиру Смитов на Оливерплац, Путци не уgomонился. Поставив рядом бутылку коньяка, он сыграл «Harvard, Fair Harvard» и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.